

говорящих на нем, объясняется различием слов и их форм, что случайно по отношению к грамматике» (Ж. Валлеран). Философское значение этой реформы очевидно, но очевидна и ее опасность для классической культуры. Гуманист, возможно, согласится, что различия между греческой и латинской грамматиками совершенно случайны, но для него эти различия имеют огромное значение. Знать универсальную грамматику, которая не позволяет понять ни один язык, — значит обладать знанием, несомненно ценным как таковое, но бесполезным для изучения словесности. Насколько ценнее для гуманиста знание этих лингвистических акциденций, являющихся самой материей, из которой скроены реальные языки! Именно в них нужно проникнуть, чтобы даже в ускользающих нюансах ощутить подлинных Горация и Вергилия. Только знание конкретной грамматики открывает для нас сокровищницу классической культуры — а она является необходимым условием утонченной человечности (*politior humanitas*), которая есть высшая цель воспитания.

Изменение ориентации в изучении грамматики, произошедшее в XIII веке, можно кратко описать следующим образом. До тех пор диалектика и грамматика существовали бок о бок, как два из семи свободных искусств, которые изучали с целью овладеть красноречием, неотделимым от мудрости. Отныне грамматику все больше поглощала логика, и грамматика стала философским введением к изучению последней вместо того, чтобы быть введением к литературному изучению античных шедевров. Произведения, содержащие изложение этой новой науки, еще недостаточно известны, но о ней можно составить представление по «Сумме

307

3. Изгнание изящной словесности

способов обозначения» («*Summa modorum significandi*») Сигера из Куртре* и «Спекулятивной грамматики» («*Grammatica speculativa*») Фомы из Эрфурта, которую долгое время приписывали Дунсу Скоту. Кроме этих опубликованных произведений, известно о существовании «Суммы грамматики» («*Summa grammaticae*») Роджера Бэкона и целого ряда «сумм», или трактатов, «О способах обозначения» («*De modis significandi*») Мишеля из Марбе, Мартина Дакийского, Иоанна Дакийского, Бозэция Дакийского**, Томаса Оккама и др. (М. Грабман). Предмет этих произведений тот же самый, что и у древних грамматиков, однако части речи исследуются в них как способы выражения (обозначения), то есть с точки зрения их способности выражать различные аспекты бытия и мышления. Выделяются три группы модальностей, соответствующих: способам существования (бытие, акциденция и т.д.), которые изучает метафизика (*modi essendi*); способам познания, которые изучает логика (*modi intelligendi*); способам обозначения, изучаемым грамматикой (*modi significandi*). Перед понимаемой таким образом идеей универсальной грамматики открывалось многообещающее будущее, и сегодня у нее уже есть многовековая история, но не следует удивляться, что первыми ее противниками стали гуманисты эпохи Возрождения. Александр Гегий (Hegius), учитель Эразма в Девентере, о котором этот трудный ученик отзывался с признательностью, напишет инвективу «*Contra eos, qui modorum significandi notitiam credunt grammatico necessariam, qui novo nomine modistae vocantur*»* * *. Изящная словесность стала полем сражения партий именно потому, что в XIII веке она утратила то, что должна была снова завоевать позднее. Пожалуй, упадку «элоквенции» в университетах, особенно в Парижском, способствовало несколько причин. Часто указывали на враждебность по отношению к язычеству и древнеримской литературе, поразившую, словно эпидемия, христианский мир. В Прологе к своему «*Ecclesiale*» Александр из